
Листки...

[Сергей ЛУЦЕНКО](#) - 14 мая 2017



Body

Лирико-философские миниатюры

* * *

Я часто думаю: удалась ли жизнь? Всё ли сбылось, всё ли свершилось задуманное? И вижу: нет, не все. Более того, не свершилось почти ничего. Юность, пылкая, зовущая – пронеслась, отгорела. Невозвратимая! Кажется мне, что всё заложенное в тебя свыше развеялось понапрасну. Лишь малая, очень малая часть применена, как должно... Сколько возможностей упущено! Сколько надежд перегорело впустую! Но не отчаиваюсь: если как следует поворошить золу былого, из-под неё могут сверкнуть неожиданные алмазы.

* * *

И сегодня, бродя по любимому с детства городу, думаю всё о том же. Февральское солнце скатилось к западу, упало в холодные белые облака. И побагровели они... На востоке, обернешься, ещё жутче: тёмно-фиолетовая ночь настигает, давит на плечи. Уж лучше – в закат! Но не надо забывать о том, что всё пройдет, и с восточных областей шагнёт в мир новый день со своими надеждами и тайнами.

* * *

Порой мне кажется, что меня давно нет на свете. Особенно ощущается это в сумерках. Кажется, безбрежные воды, темнеющие, тихие, идут и идут надо мной. Я замираю у окна, и странное умиротворение охватывает душу. А воды идут, густеющие, ласковые... Не это ли рай земной?

* * *

С годами все больше люблю стоять у обрыва, на самой его кромке. Внизу – донские воды,

то ласковые, теплые, то свинцово-ледяные. Но всегда – величественные и могучие, дышащие древней победительной силой. Хотя... иссякают и они. И обрыв изменяется неузнаваемо...

Но пока – стою на его кромке, и мне видно многое, многое. Храм Божий – такой, кажется, незыблемый. И кажущиеся мгновенными стрижи...

Века, словно волны, проходят передо мной... И волны, как века...

* * *

Давно это было...

«Старый сад, большой, запущенный – зацветает. Я подхожу, вдыхаю аромат цветов – и мне страшно оторваться: вот-вот вспомню что-то самое важное, самое дорогое... Несу в душе это неуловимое – дальше, дальше. Ящерица перебегает дорогу. Я, детски радуясь, ловлю одну, выпускаю, моя собака гонится за нею, ящерица исчезает между старых сваленных в кучу веток – и мне вольно, радостно. Хорошо, что живое живет, что не отнята жизнь, что не нарушена гармония в Природе и во мне.

Нет, не сентиментальность! – становишься чище, нежнее, мудрее наедине с Природой. И чувства не болезненно обострены, но распахнуты навстречу ветру, солнцу, возрождающейся жизни, просыпающейся любви. Неси эти чувства в лето, в осень, в зиму, в весну. Не замыкайся в себе. Тебе дано почувствовать привычное, на первый взгляд самое обыкновенное, с новой силой, обрести небывалое...».

Давно это было... И было ли?

* * *

Школьное крыльцо собрало сегодня массу зевак: кто-то притащил на потеху голубя-инвалида. У птицы перебиты и вывернуты крылья, она передвигается едва-едва – короткими, судорожными скачками. Мучения бедного существа невероятны, а в толпе – радостное внимание, чуть не ликование. Наконец, один из старшеклассников, у которого особенно «милосердное» отношение к живности, подхватывает голубя и кладет на самую верхнюю ступеньку крыльца. Молниеносный мастерский удар – и птица, словно футбольный мяч, опускается на середину двора. Теперь – это просто комок костей и перьев. Довольные занимательной игрой, зрители расходятся. У колонны остается один первоклассник. Вскоре и он решается уйти, но через несколько минут возвращается. Мальчик идет мимо голубя, мимо того, что осталось от него. Он все видит, он знает, что не помочь уже, не спасти. «Надо было отнять, уговорить, попытаться вылечить. Может, посмеялись, побили бы, но не до смерти, а жизнь была бы спасена...». Поздно. Теперь поздно. И часто будет возвращаться к нему бедный голубь, и через много лет будет видеться ему эта горькая картина, не давая покоя одинокой и странной душе...

* * *

Тысячелетний плач Иеремии...

Запустение окрест... Раскаленные лучи вонзаются в мой мозг, ледяные ветры овевают мои ноги – и я замираю в бессилии. Душа моя переполнена тоской; тьма надвигается ежеминутно – что делать мне? Неужели нет спасения? Господи, Боже мой, уповаю на тебя: Ты один знаешь, что нужно душе человеческой. Слушаю Тебя...

* * *

О Чудо из чудес, величайшее – Книга! Все эти годы – тёмные, грозные, не могу надышаться Тобой. Ты – моё спасение, ты – моё счастье полдневное, полночное. Я засыпаю, положив у изголовья книгу, и книжные полки вдруг превращаются в лестницу, зовущую в небо.

* * *

Злые тревоги, но – месяц полый воды! Апрельский глоток свободы, даже, быть может, возрождения. Вчера – клин журавлей навстречу.

...И стало так ясно, что ни обожествлять, ни хулить ничего из прошлого не надо. Так должно было быть. И так было, – чтобы все отзывалось сейчас именно так, а не иначе. Спасибо, журавли!

* * *

Надо уметь любить каждую – каждую! – минуту этой скоротечной, хрупкой, горькой, прекрасной жизни. Пусть пугает неисхоженность и необъятность, пусть ноги подгибаются от усталости – надо идти в далёкий просвет между корявыми, кривыми стволами, над бездонными топями, а там заалееет заря на опушке...

* * *

Иной человек издали подобен угрюмому, непроходимому лесу. Но подойдёшь поближе, приглядишься – и удивишься: открылись вдруг и светлые поляны, и долгие просеки, и даже облака в вышине поплыли по-иному.

* * *

Мы печалимся, что русский народ представляет собой некую аморфную массу, внутри которой идет «война всех против всех». Здесь – и подлость, и зависть, и издоимство, и страшные, кровавые преступления... На первый взгляд, и правда, может показаться: а ведь народа-то и нет, всё движется неизвестно по каким орбитам, непонятно откуда и куда, и для чего вообще движется. Чтобы убедиться в ложности этого умонастроения, нужно представить изнутри слиток чугуна. Природой в него заложены связи, незаметные и непостижимые для непосвященного. Связи, не позволяющие чугуну рассыпаться в прах.

* * *

Не надо ужасаться перед громадой истории, пытаться объять её всю, мировую, – источников огромное количество; не надо яростно штурмовать великую крепость, таща лестницы, стенобитные орудия и прочие хитроумные приспособления. Не надо пытаться сосчитать и запомнить все впадины и выпуклости, все изгибы и изломы, все башни и бойницы – застрянешь быстро, испугавшись, устав... А всего-то (кажется, малость, но как трудно!), всего-то надо найти свой «сезам» и через боковую какую-нибудь калиточку решительно и благоговейно ступить внутрь – и узреть всё в динамике, в движении, дышащее живой жизнью, услышать голоса людей, топот коней, звон мечей, услышать песни ветра и берез...

* * *

Выдалась сильная оттепель, всё начало таять, течь. На углу дома, в низинке, набралась порядочная лужа, ведер на тридцать. Черпаю потихоньку, вожусь с ведром и совком. Остановился передохнуть, поднял голову – и вздрогнул: по кромке шифера – электрические разряды! Что за чертовщина? Провода на месте – не оборвались, не оголены... Наконец, дошло: зажгли фонарь, и падающие капли на мгновение улавливают лучи. Создается неожиданный эффект – как бы электрический просверк. Так, подумалось, и в искусстве – на первый взгляд поразительный, а взглядишься – заёмный блеск...

* * *

Большинство вряд ли понимает, как должно, искусство. Обыватели (особенно – мнящие себя специалистами) относятся к поэзии так, как, к примеру, я, не имея отношения к математике, отношусь к большой и красивой формуле. Нравится мне она – циферки, значки разные, черточки, – а что в ней, собственно, заключено? Разумна ли она, действенна ли, или в чем-то ошибочна, или это просто – напыщенная белиберда? И сам внешне могу написать не хуже, понаставить разных циферок и значков. Так и в искусстве, в поэзии – заблуждаются многие, не умея отличить злаки от плевел. А если сюда добавляется сознание собственного величия и непогрешимости – пиши пропало. Раньше были какие-то сдерживающие силы. А сейчас свободно пишущих (а по сути – мажущих чернилами по бумаге и отбивающих на клавиатуре буквы), таких гоголевских петрушек наоборот (не буквоедов, а буквосеев) – не счесть. И все-таки не стоит горячиться – здесь заключена глубинная мудрость, и, быть может, происходит вовсе не вырождение, а самосохранение языка... Пена сойдет, гений выкристаллизуется.

* * *

Если бы неук какой-нибудь пришел и сказал: «Дай тебе построю дом». А как строить – не знает, только догадывается, и то слабо. Вот он лепит кое-как, всё криво, сыро, скверно, того и гляди, завалится. Хозяин смотрит – и руками разводит. А «мастер» не только не боится получить по шее, но жаждет горячего одобрения и сердится, если что не по нему. Или некто хлеб думает испечь. Кое-как тесто замесил и, не зная тонкостей, в печь толкает. Выхватил первую партию, а она вся обуглилась, выхватил вторую – сырая. Изготовился вроде бы, снова сунул её в печь, и зарумянился хлебушко, и угощает он всех подряд. Отведали, а внутри – сырец, непропечён, и кислятиной отдает, да и волосок, глядишь, попался. Горе-хлебопек же вовсю потчует: «Ешьте вдоволь, братцы, еще напеку!» И не видит, что умные люди только плюнуть в лицо не могут, до того скулы светло. Какая уж тут похвала!

Так и в искусстве, в поэзии: необходимо всё-таки удерживать горе-хлебопёков от безумного труда, направлять их усилия в иное русло, а не отмалчиваться и не жевать непотребную стряпню. Кто-то, прикрывая свою пустоту, сетует: дескать, поэзия в наш век изжила себя, и не желает читать стихи, даже хорошие – не желает. Что ж, это его право – пусть и дальше обедняет себя. Отчасти он прав: попробуй, разберись, что к чему, пойми, где тут злаки, где плевелы – голову надорвешь. Заполонили окололитературное пространство чудо-пекари да влиятельные бездари – и выдают на гора всякое, прости Господи, дерьмо. Истинные творцы – они и пишут в разы меньше, и пробиваться так и не научились...

И все же, верю, этот сумрачный виток закончится – и снова потянутся люди к душистому, вкусному, сытному Русскому Слову.

* * *

Только полный отказ от дурмана может спасти душу и тело, сохранить ясный ум и творческие способности, дать возможность развиваться и совершенствоваться. Вино даёт мгновенный толчок к пробуждению силы, импульс полета, когда как бы приоткрывается внутреннее зрение и мир видится другими глазами. На первый взгляд, может показаться, что подобными шажками можно дойти до высшего мастерства. Но – это ощущение обманчиво. Да, будет мгновенный взлёт; будет, может, даже полёт – невысокий, порывистый. Но – подломятся крылья, сначала одно, а вскоре – и другое. И – пойдет ветер швырять тебя по терновнику, пока не изломает, пока не изорвёт в клочья... Нет счастья в этом пути. Трезвый, уверенный рост, ежедневное укрепление крыльев, ежеминутное приготовление к полету – вот задача истинного художника. Долгожданный миг настанет – и расправятся могучие крылья, и высоко-высоко поднимется он в небо, сделает круг, и царственно поплывет по предначертанному маршруту. И никакие ветры не смогут сбить его с истинного пути, а будут только на пользу многоопытному крылу.

* * *

Есть добренькие – и есть добрые по самому высокому счету: без назойливого сюсюканья и прочего показного благодушия. Их доброта в чем-то сродни жестокой доброте хирурга. Да, для спасения порой приходится причинять боль, но вскоре следует просветление, появляются новые силы, открываются новые дороги. А вот увещевания добреньких – они опасней всего...

Не хочу быть добреньким и к себе добренького отношения не терплю. Боюсь самодовольства, самоуспокоенности – остановки боюсь. Я сужу себя самой высокой, самой строгой мерой. Главное – делать предначертанное дело, делать его честно и не сваливать вину ни на равнодушного читателя, ни на оголтелую чиновничью братию. Какие, по большому счету, могут быть у искусства враги? Искусство всегда рано или поздно выходит из любого тупика, вырывается из всякой идеологии, оно всегда бежит от нечистых помыслов. Да, щупальца Зла бесчисленны, дыхание его смрадно и огненно. Да, мрак воцаряется в мире. Да, искусство заплетает паутина бездарности и приспособленчества. И всё же – истинно прекрасное остаётся. Остаётся расти, бороться, побеждать...

* * *

Я не задумываясь откажусь от имени, лишь бы мои стихи ушли в народ и жили долго и полнокровно. По-моему, для поэта это высшая награда. Чего, кажется, проще: копируй приемы, и вся недолга. Однако шило в мешке не утаишь, и псевдонародное обязательно вылезет наружу, и обязательно будет отторгнуто. Нужно ощущать себя плотью от плоти и костью от кости русской – лишь тогда твой стих сможет стать песней. Радостно слышать: слова народные! Значит – попадание наиточнейшее, значит – слияние самое полное. За такое чудо всего себя отдать не жаль...

* * *

Художник, верно чувствующий своё Отечество, любящий его, пусть и неприкаянное, больное; художник, верно чувствующий свой (Божий!) дар и мужественно несущий его в мир – он, творец грядущего, обязан охранять себя от бездонных трясин отчаяния. Того крайнего отчаяния, когда дурман самоуничтожения манит спасительной прохладой. Тоска, вино, петля, пуля, – вот великие искушения, повсеместно насылаемые силами зла. Преодолеть эти соблазны, эти искушения, выстоять, не потеряв, но преумножив – есть великая задача человека. Творчество облегчает и одновременно утяжеляет ношу. Но утяжеляет – благотворно. Это нужно понять и принять. Смысл жизни? Прожить её достойно – вот конечный смысл земного бытия. В этом – счастье и простого человека, и великого художника. И слава его.

[Сергей ЛУЦЕНКО](#) - 14 мая 2017

<http://webkamerton.ru//2017/05/listki>